

ББК 63.442.12(253.5)

*А.М. Коростелев***Погребально-поминальный комплекс Байкальское-VII
на северо-западном побережье Байкала***A.M. Korostelev***Funeral-Memories Complex Baikalskoe VII
at the North-West Coast of the Lake Baikal**

Статья посвящена культурно-хронологической периодизации памятника Байкальское-VII. Рассматриваются обряд захоронения и археологический материал, обнаруженный в результате раскопок на объекте. Полученные данные сопоставляются с материалами из других регионов. Делается вывод о том, что погребально-поминальный комплекс Байкальское-VII относится к елгинской погребальной традиции, которая имела широкое распространение в Прибайкалье в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.

Ключевые слова: материал, культура, метод, оз. Байкал, погребальный обряд, елгинская традиция, железный век, захоронение, датировка, поясная пластина, распространение, хунну, аналогии, влияние.

Погребально-поминальные комплексы представляют собой объекты, состоящие из захоронений человека, поминальных конструкций, имитирующих погребения человека (кенотафов), или ритуальных кладок, под которыми могут находиться предметы, имеющие какое-либо символическое значение для соорудивших их людей. Погребально-поминальные комплексы встречаются на всем протяжении байкальского побережья, в том числе и на его северо-западном участке. Один из таких объектов, получивший название Байкальское-VII, исследован в 0,45 км к северо-востоку от с. Байкальское.

Памятник расположен в юго-западной части мыса Лударь, на небольшой выположенной площадке, северо-восточная часть которой поросла сосновым лесом. Высота площадки над уровнем Байкала – 45–50 м (рис. 1.-1).

Погребально-поминальный комплекс Байкальское-VII открыт в 1988 г. сотрудниками Иркутского государственного университета А.В. Харинским и М.А. Зайцевым. На месте одной из искусственных каменных кладок (№1) заложен раскоп 4×5 м, ориентированный длинными стенками по линии северо-запад – юго-восток. Кладка округлой кольцевой формы, размером 3,2×3,7 м. Большая часть камней сосредоточена по периметру конструкции и образует кольцо (рис. 2.-1). Под кладкой зафиксирована яма, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток. Она округлой формы размером 0,7×1,5 м и глубиной 0,25 м. В верхней

This paper is devoted to a cultural-chronological division into periods of a monument Baikalskoe VII. The ceremony of a funeral and the archeological material which has been found out as a result of excavation on object is considered. Obtained data are compared to materials from the other regions. As a result the author does the conclusion that the funeral-memories complex Baikalskoe VII concerns to Elginsy funeral tradition which had a wide circulation at Baikal Coast in the end of the first thousand years BC – the beginning of the first thousand year AD.

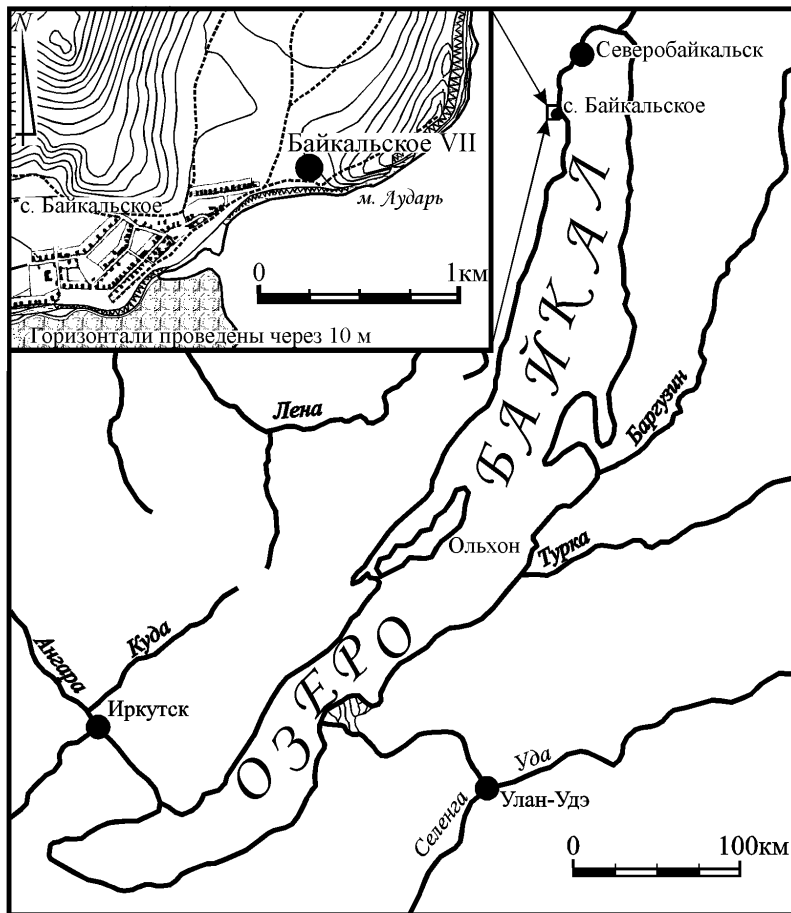
Key words: material, culture, method, Lake Baikal, funeral ceremony, Elginsy tradition, the Iron Age, burial place, dating, belt plate, distribution, khunnu, analogies, influence.

и средней части ямы обнаружены каменные плиты перекрытия, уложенные в два слоя. Над юго-восточной частью перекрытия, на глубине 9 см от поверхности земли, найден фрагмент рога благородного оленя. На дне ямы обнаружены фрагменты костей животных и древесные угли (рис. 2.-2). У юго-восточной оконечности каменной кладки, на глубине 10–12 см, найдены остатки сеногдинского сосуда, орнаментированного налепными валиками. Подобная керамика бытовала на северном побережье Байкала с X – середины IX в. по II в. до н.э. [1, с. 139].

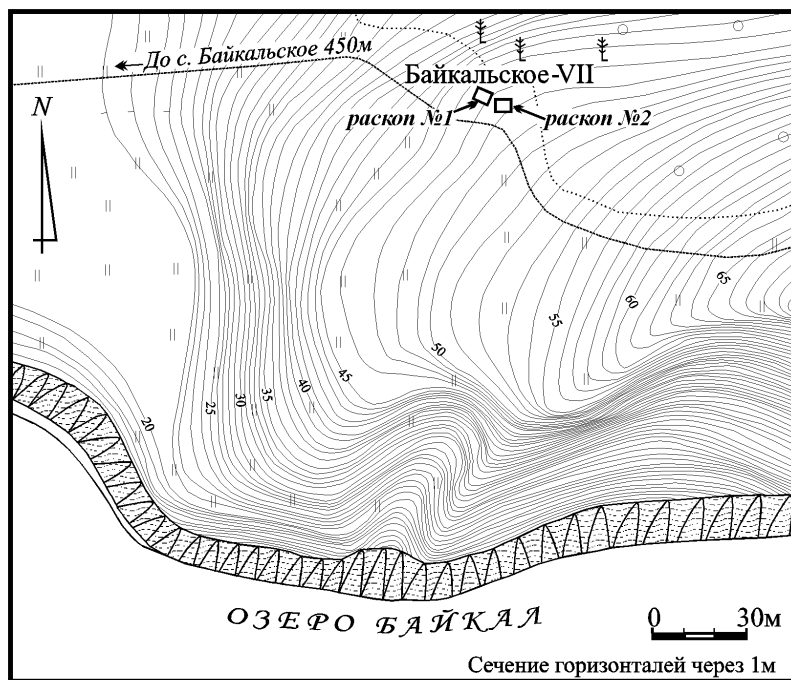
Комплекс 1 интерпретирован как поминальная конструкция [2, с. 45–47].

Раскопки на памятнике Байкальское-VII были продолжены в 2006 г. нами вместе со школьниками Центра детско-юношеского туризма и краеведения (ЦДЮТиК) Иркутска. На месте предполагаемой искусственной кладки 2, в 2 м к юго-востоку от комплекса 1 заложен раскоп размером 4×5 м (рис. 1.-2). Комплекс 2 ограблен в древности, так как камни надмогильной кладки разбросаны. При расчистке комплекса среди камней кладки обнаружено 492 фрагмента керамики, бронзовая поясная пластина и железное изделие. Под кладкой находилась могильная яма. На ее дне хаотично располагались кости благородного оленя и человеческие останки.

Для выяснения культурной принадлежности, функциональных особенностей и времени сооружения памятника Байкальское-VII обратимся к двум методам –

1

2

Рис. 1. Карта местонахождения памятника Байкальское-VII (1);
схема расположения раскопов (2)

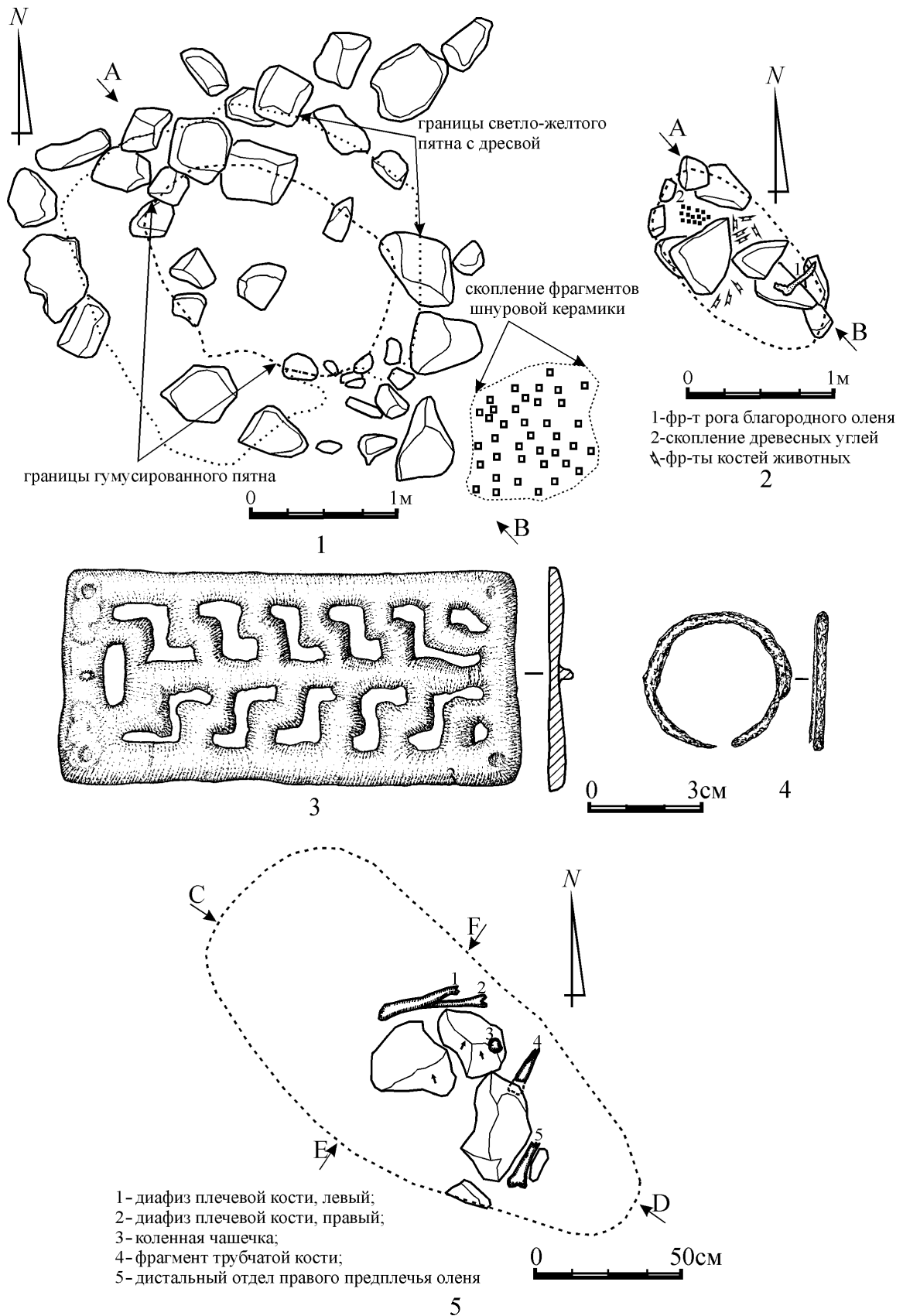

Рис. 2. Байкальское-VII:
комплекс 1: 1 – кладка после расчистки, 2 – заполнение ямы;
комплекс 2: 3 – бронзовая пластина, 4 – железное изделие, 5 – заполнение могильной ямы

сравнительно-типологическому и радиоуглеродному. Материалом для первого является сопроводительный инвентарь захоронения. Для второго метода использовались частично сохранившиеся останки человеческого костяка из комплекса 2.

Железное изделие было обнаружено у северной стенки комплекса 2, на глубине 5 см от современной поверхности земли в поддерновом слое. Предмет имеет форму разорванного кольца с сужающимися концами, диаметром 3,8 см, толщиной 0,3 см, и, вероятно, использовался как наконечник (рис. 2.-4). Подобные вещи зафиксированы на памятнике Байкальское-XXXI, в комплексе 3 [3, с. 293, рис. 1.-4–5, 7]. Но в отличие от обнаруженного нами изделия они были меньше диаметром и шире.

Бронзовая поясная пластина найдена между камнями кладки 2 во время ее расчистки. Скорее всего, на поверхность она попала в результате разграбления могильной ямы. Изделие имеет прямоугольную форму, размером 12×5,5 см, толщина – 0,3 см. Пластина литая, внутри имеет два ряда зигзагообразных отверстий. В верхнем и нижнем левом углах на рамке пластины прослеживаются изображения голов грифонов. Изображения нечеткие. Вероятно, это результат многократного копирования изделия (рис. 2.-3).

Поясная пластина, обнаруженная во время раскопок комплекса 2, относится к хуннскому времени и датируется концом III в. до н.э. – началом I тыс. н.э. [4, с. 104; 5, с. 225]. Подобные изделия имеют аналогии в материалах Ордоса, Забайкалья, Монголии, Минусинской котловины, т.е. в областях, которые в начале нашей эры входили в состав державы хунну.

Находка бронзовой пластины позволяет датировать комплекс 2 концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э. Подтверждает этот возраст и радиоуглеродная дата, полученная по останкам погребенного – 2160 ± 100 л.н. (СОАН-6584), что с учетом калибровки соответствует 377–54 гг. до н.э.

Человеческие кости, обнаруженные в могильной яме комплекса 2, не сохранили анатомического порядка, поэтому установить положение и ориентировку погребенного не представляется возможным (рис. 2.-5). Однако датировка комплекса 2 рубежом эр позволяет сопоставить захоронение с двумя погребальными традициями, существовавшими в это время на территории Предбайкалья – бутухейской и елгинской.

Погребенные в бутухейских захоронениях располагались вытянуто на спине, головой ориентированы на юго-восток. В елгинских захоронениях погребенного укладывали в могилу скорченно, на боку, с подогнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Обе погребальные традиции выделены О.И. Горюновой [6, с. 76–80]. На Северном Байкале бутухейские и елгинские погребения также раскопаны на памятниках Байкальское-XXVII и Байкальское-XXXI [3, с. 291–295]. Временные рамки существования буту-

хейской погребальной традиции определяются с XIV в. до н.э. до конца I тыс. до н.э. Елгинские захоронения датируются III в. до н.э. – IV в. н.э. [7, с. 201, 204].

Раскопанный на памятнике Байкальское-VII комплекс 2, скорее всего, можно соотносить с елгинской погребальной традицией. На это указывает бронзовая поясная пластина. Подобные вещи обнаружены именно в елгинских погребениях: в могиле 4 Могильника 2 Куркутского комплекса [8, с. 50, табл. 8.-1], при раскопках погребения 5 могильника Цаган-Хушун [9, с. 112, рис. 2.-1]. На о. Осинский при раскопках погребения 4 также найдены три бронзовые ажурные прямоугольные пластины. Их рамки украшены изображением ушастых грифонов [10, с. 140]. Все вышеперечисленные захоронения имели могильную яму, ориентированную по линии северо-запад – юго-восток, и захоронение погребенного скорченно, на боку с поджатыми ногами, головой, ориентированной на юго-восток.

Таким образом, в конце I тыс. до н.э. вместе с захоронениями елгинского типа в Предбайкалье распространяются вещи, до этого не встречавшиеся к западу от Байкала. Среди них прежде всего выделяются изделия из бронзы, связываемые с хуннской культурной традицией. И хотя байкальское побережье располагалось за пределами хуннской державы, ее культурное и экономическое влияние было настолько значительным, что нашло свое отражение в материальной и духовной культуре его обитателей [11, с. 134].

Наличие на одном археологическом объекте погребальных конструкций не является исключением для северо-западного побережья Байкала. Вблизи с. Байкальского исследовано еще два погребально-поминальных комплекса, близких по конструктивным особенностям к Байкальскому-VII. Один из этих комплексов – Байкальское-XXVII – включает четырнадцать искусственных каменных кладок. Только под четырьмя из них зафиксированы могильные ямы и останки погребенных. Остальные сооружения являлись ритуальными кладками. На памятнике Байкальское-XXXI из девяти каменных конструкций шесть являются надмогильными кладками, под которыми обнаружены останки захоронений, а три кладки служили ритуальными сооружениями. Причем автором раскопок отмечено, что поминальные кладки сооружались именно рядом с елгинскими захоронениями [3, с. 291–295]. Как и на других погребально-поминальных комплексах железного века, конструкции 1 и 2 памятника Байкальское-VII синхронны по времени сооружения.

Полностью исследованный погребально-поминальный комплекс Байкальское-VII подтверждает и укрепляет выводы о повсеместном распространении в конце I тыс. до н.э. на байкальском побережье елгинской погребальной традиции. В это же время

сильное влияние на проживавшие здесь народы оказывала империя хунну. Но данные археологии не дают оснований включать побережье Байкала и Приангарье в состав хуннской державы. Если в этот регион и заходили хунну, то ненадолго, возможно, для сбора нерегулярной дани и совершения торговых операций [12, с. 17]. Большинство захоронений елгинского

типа, как и комплекс 2 Байкальского-VII, ограблено в древности. Уцелевший сопроводительный инвентарь немногочислен и указывает на влияние хуннской культуры на древних жителей байкальского побережья. Подтверждением этому служат обнаруженные в елгинских захоронениях бронзовые поясные пластины – яркий маркер культуры хунну.

Библиографический список

1. Харинский А.В., Карнышев И.С. Керамические традиции северо-западного побережья озера Байкал в I тыс. до н.э. (по материалам стоянки Балтаханова III) // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск, 2003.
2. Харинский А.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал и в долине реки Куды в 1995 г. (Северобайкальский район Бурятии, Эхирит-Булагатский район Иркутской области) // Архив ИА РАН. –1996. – №1.
3. Харинский А.В. Северное побережье озера Байкал в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. (по материалам погребальных комплексов) // Из века в век : материалы Междунар. конф. – Новосибирск, 2003.
4. Давыдова А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // Советская археология. – 1971. – №1.
5. Дэвлет М.А. О происхождении Минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976.
6. Горюнова О.И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. – Улан-Удэ, 1993.
7. Харинский А.В. Западное побережье оз. Байкал в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. – Вып. 3. – Иркутск, 2005.
8. Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. – Новосибирск, 1980.
9. Харинский А.В. Престижные вещи в погребениях байкальского побережья конца I тыс. до н.э. – начала II тыс. н.э. как показатель региональных культурно-политических процессов // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004.
10. Смотров В.И. Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге средней Сибири. – Иркутск, 1991.
11. Харинский А.В. Погребальный ритуал населения северного Прибайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э.: по материалам могильника Байкальское-XXXI // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Вып. 2. – Улан-Удэ, 2004.
12. Харинский А.В. О хуннах в Предбайкалье // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). – Улан-Удэ, 2005.